

УДК 1(091)

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОЗНАНИЕ И НАРРАТИВ В ФИЛОСОФИИ А. ДАНТО

В.П. Потамская

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Дана концепция взаимосвязи исторического познания со специфическим нарративным способом его организации в философии А. Данто. Прослеживается генезис и основополагающие черты его концепции исторического нарратива. Особое внимание уделяется полемике, порожденной в концепцией исторического нарратива Данто.

Ключевые слова: *история, историческое познание, аналитическая философия истории, нарратив, герменевтика.*

Философское осмысление истории в послевоенный период осуществлялось посредством анализа и критики классической философии истории. Одна из попыток подобной рефлексии происходила в рамках аналитической философии. Проблема нарратива оказалась в центре внимания в аналитических философско-исторических исследованиях в конце 1960-х гг. в связи с дальнейшим развитием лингвистического поворота, обсуждением возможности применения модели охватывающих законов и появлением деконструктивизма.

Одним из основополагающих философов аналитической традиции является Артур Данто. Впервые с аналитической философией А. Данто познакомился в Колумбийском университете. Он рассматривал ее как правильный стиль философствования, содержащий четкое представление о структуре мысли, в которой элементы соединены наподобие анатомического строения организма [4, с. 106–109].

Несмотря на ориентацию, прежде всего на аналитическую традицию, можно говорить об определенном влиянии континентальной философии на развитие философских ориентаций А. Данто. Во-первых, философ стремился создать обширную систему репрезентаций мира, состоящую из 5 частей («Аналитическая философия истории», «Аналитическая философия действия», «Аналитическая философия знания», «Аналитическая философия искусства» и «Аналитическая философия сознания») [16]. Подобное стремление к тотальности философского охвата шло вразрез с основными принципами аналитической философии. Вместе с тем при анализе явлений А. Данто использовал аналитическую методологию, заключающуюся в исследовании концептов и структур, понимаемых как часть системы.

По словам М. Кукарцевой, А. Данто акцентирует эстетическую сторону истории и философии истории [9, с. 22], в то же время Л. Хант [7, с. 374–375], Х. Уайт и Р. Доран [26, р. 282], связывают нарратив с проблемами когнитивного измерения философии истории. Ю. Хабермас также полагал, что анализ нарративных выражений мог бы быть полезным средством понимания когнитивной структуры, используемой действующими лицами в координации жизненной активности, включенной в жизненный мир [19, р. 35].

Впервые проблема нарратива в философии А. Данто появилась в 1962 г. в рамках опубликованной статьи «Нарративные высказывания». В 1965 г. вышла «Аналитическая философия истории», предметом рассмотрения которой стал нарратив. Философ отмечал, что его главная цель в «Аналитической философии исто-

рии» состояла в преодолении определенного скептицизма в отношении прошлого, что и побудило его к созданию собственного понимания задач исторической эпистемологии [11, р. 191]. «Аналитическая философия истории» была воспринята не только представителями логического эмпиризма, но и континентальными философами. Так, А. Данто воспринимал как комплимент утверждение Ю. Хабермаса, что «данная книга доводит аналитическую философию до точки, в которой она превращается в герменевтику» [21, р. 228].

Как эпистемологический прорыв работу А. Данто определял Й. Рюзен, поскольку именно А. Данто дал наиболее правдоподобный ответ на вопрос о том, что такое историческое познание и объяснение. Вместе с тем Ф. Анкерсмит отмечал, что аналитическая философия, как она представлена у Данто, связана с репрезентацией, а не с эпистемологией [11, р. 297–298].

Согласно А. Хэддоку, цель «Аналитической философии истории» состояла в демонстрации несостоятельности основных идей субстантивной философии истории [20, р. 483–484]. По мнению Д. Гормана, в «Аналитической философии истории» А. Данто, скорее, предписывал историкам, что они должны делать, а не описывал то, что они действительно делают, и это свидетельствует о непонимании природы философского метода [1, с. 192]. Более справедливой представляется точка зрения Д. Карра. Философ полагал, что цель «Аналитической философии истории» в первую очередь состояла в открытии аналитической философии истории самой по себе, в рамках которой концепт нарратива выступал как базис для анализа исторического знания, и только во вторую очередь в критическом осмыслении субстантивной философии истории [13, р. 105–106].

Как отмечал П. Рикер, «Аналитическая философия история» – это первая речь в защиту нарративистской интерпретации, произнесенная в рамках аналитической философии. В своей аргументации А. Данто использовал не столько эпистемологию историографии, сколько концептуальные рамки, определяющие употребление повествовательных фраз. «Понятая таким образом аналитическая философия является, по преимуществу, теорией дескрипций» [10, с. 166].

С точки зрения Д. Полкингхорна, цель «Аналитической философии истории» заключалась в анализе нарративных высказываний по отдельности, нежели в исследовании комбинаций выражений в дискурсе исторического сочинения. А. Данто стремился исследовать способ мышления, используемый в нарративных высказываниях (сочетающих прошлое, настоящее и будущее времена), дистанцируясь от эмпиризма, который имел дело только с глаголами настоящего времени как описаниями текущего состояния дел [23, р. 50]. У. Дрей, в свою очередь, акцентировал внимание на гемпелианской модели исторической причинности А. Данто [17, р. 116].

В книге «Нарратив и знание» усиливается отрицание позитивизма и фокусирование на роли нарратива, что, как отмечает Д. Карриер, сближало А. Данто с воззрениями Х. Уайта и наиболее известными французскими нарративистами. Но в отличие от Х. Уайта и нарративистов, А. Данто никогда не был релятивистом, поскольку, по его мнению, аналитические философы должны расширить базовые способы мышления, используя разработанные методологии [14, р. 3–4].

А. Данто выделял два вида философии истории: субстантивную и аналитическую. Субстантивная философия истории связана с обычным историческим исследованием, поскольку философ-субстантивист, как и историк, занимается описанием произошедшего в прошлом [3, с. 20]. Д. Карр, как и Р. Соломон и К. Хиггинс отмечали, что в стиле, типичном для аналитической философии, А. Данто создал абстрактный проект, названный субстантивной филосо-

фией истории, но фактически, он имел ввиду классические фигуры, такие как Г.В.Ф. Гегель и К. Маркс [25, р. 113].

Своим квазикантианским поворотом аналитическая философия истории исключает то, что А. Данто называет субстантивной философией [10, с. 166–167]. Аналитическая философия истории, в свою очередь, является философией, применяемой для решения специальных концептуальных проблем, возникающих как в практике изучения истории, так и в субстантивной философии истории. Именно аналитическая философия истории является предметом исследования А. Данто [3, с. 5]. Философ применил методологию аналитической философии истории к исторической практике и предложил теорию исторического понимания, выделяя причинность как центральную проблему для объяснения [21, р. 198–199].

А. Данто предлагал следующее решение проблемы определения научного статуса истории. Во-первых, история разделяет с науками цель достижения существенной истины, однако отличается от естественных наук тем, что обладает специфическими условиями для создания новых значительных вопросов. Во-вторых, историю отличает достаточно специфический предмет исследования – прошлое, свидетельства о котором не могут быть верифицируемы. В-третьих, цель истории состоит в том, чтобы создать рассказ о прошлом, при этом количество описаний и возможных интерпретаций неограниченно. Следовательно, история является автономной дисциплиной, но относится к гуманитарной области знания, поскольку она связана с человеком и человеческими интерпретациями прошлой реальности [11, р. 191].

Центральной проблемой «Аналитической философии истории» являются нарративные высказывания. А. Данто, рассуждая в духе нарративного реализма, полагал, что в истории существует объективная организация событий, т. е. реалий, с которыми корреспондируют нарративы, создавая возможность истинных высказываний о прошлом [6, с. 253–254].

Интересна точка зрения Х.М. Баумгартнера, указывавшего, что нарратив, как он представлен у А. Данто, является трансцендентальным условием для возможности исторического знания, хотя А. Данто никогда не формулировал определение нарратива в подобной плоскости. Вместе с тем А. Данто, по мнению Х.М. Баумгартнера, предотвратил дальнейшее развитие трансценденталистских смыслов вследствие убеждения, что историческое изменение не может существовать, если не существует субъектов изменения [12, р. 46].

Нарративные высказывания содержатся в историях, которые могут рассказать только историки, поскольку их структура предусматривает обращение к будущему, которое недоступно современникам событий. Подобные высказывания относятся, по крайней мере, к двум разделенным во времени событиям и описывают свершившееся событие в свете более позднего. Чаще всего они употребляются в прошедшем времени.

Нарративная структура – это один из базовых способов репрезентации мира посредством языка. Нарративные предложения как класс предложений чаще используются в исторических сочинениях. Основной тезис А. Данто «состоит в том, что нарративные предложения тесно связаны с нашим понятием истории, а их анализ поможет выявить наиболее важные черты этого понятия» [3, с. 139]. При этом темпоральная дистанция между историографическим дискурсом и прошлыми событиями является одним из условий возникновения специфического исторического значения событий [24, р. 14].

Нарративный дискурс существенно неполон, поскольку целостное описание прошлого предполагает законченное описание будущего, которое недостижимо [3, с. 25]. Восприятие настоящего, в свою очередь, в значительной мере зависит от знания прошлого. История обязана своим существованием тому факту, что «у нас нет прямого доступа к прошлому» [там же, с. 94–95]. Историк, в свою очередь, стремится высказывать истинные утверждения относительно прошлого, однако ответы на одни и те же исторические вопросы могут различаться по степени точности и подробности [там же, с. 110]. Более того, новые эмпирические данные также способны существенным образом наложить отпечаток на понимание истории, преобразуя ранее незыблемые представления [2, с. 15].

Проблема значения некоего события может быть рассмотрена только в контексте завершённого рассказа, поскольку событие может приобретать разные значения в соответствии с множествами более поздних событий, с которыми оно связывается [3, с. 20]. А. Данто полагал, что событие приобретает историческое значение благодаря своей связи с другими событиями, которые представляют интерес для создателя повествования. Общая особенность исторического упорядочивания событий заключается в том, что их значение постоянно переоценивается в свете более поздней информации. Помимо этого истинность или ложность предложений зависит от момента их произнесения [там же, с. 190–191].

А. Данто также отмечал, что цель историка состоит не в создании совершенного полного описания, а в предложении понимания произошедшего. Повествование – «структура, накладываемая на события, которая одни события соединяет вместе, а другие исключает как не имеющие значения» [там же, с. 129]. Следовательно, создание нарратива – это организация процесса познания, в рамках которого формируется мнение относительно реальности, образ которой создается в ходе его прочтения.

У. Дрей соглашался с А. Данто, отмечая, что историческое значение зависит от не-исторического значения, которое определяется конкретными установками и интересами историка. Вместе с тем событие может быть рассмотрено как исторически важное от того, причиной чему оно послужило, но вследствие того, что оно предполагает [17, р. 77–80]. Кроме того, необходимо учитывать, что некоторые последствия не вызваны тем, следствием чего они являются. К примеру, последствием визита Кеннеди в Даллас явилось то, что он был застрелен. Но само его путешествие туда не послужило причиной того, что его застрелили, или не стало причиной выстрела [ibid, р. 90].

А. Данто, обращаясь к вопросу о необходимости различения простого и значимого повествований, пришел к выводу, что история составляет одно целое, т. е. невозможно выделить простое и значимое повествования. Следует согласиться с П. Рикером, отмечавшим, что Данто отрицал как различение хроники и истории Б. Кроче, так разделение простого и значимого повествования У. Уолша, поскольку любой нарратив – это уже нечто большее, чем сообщение о событиях в порядке их появления [10, с. 171]. Однако, как полагает У. Дрей, А. Данто не привел достаточно аргументов, чтобы отрицать подобные разграничения, поскольку философ игнорирует возможность других типов организации, кроме как объясняющего [17, р. 119].

Как отмечает С. Зенькин, А. Данто выстраивает не до конца эксплицированную трехчленную систему дискурсов, описывающих события общественной жизни. Простейшим из таких дискурсов является хроника. Под вторым, имплицитным событием понимается то событие прошлого, которое явилось последствием описанного события и придало ему ретроспективную значимость. Третий же

вид событийного дискурса неправомерно трактует не только прошлое, но и будущее [5]. Однако, как кажется, А. Данто не проводил такого разграничения, воспринимая историю во всей целостности. В истории, как таковой, невозможно противопоставить чистое описание и интерпретацию и тем самым отделить хронику от исторической репрезентации. Субстантивная философия истории, которая соотносится с третьим видом событийного дискурса, вообще не является историей.

Определенную роль в нарративе играют глаголы-проекты. Данные глаголы могут быть использованы для описания действий людей, рассматривая их как неопределенное будущее. Например, пусть А совершает действие В в момент времени t_1 , и это действие будет описываться при помощи соответствующего глагола проекта «А делает В», тем самым действие будет рассматриваться в свете некоторого будущего события, а именно достижения В. Однако это будущее еще не определено, т. е. результат неизвестен [3, с. 156–157]. Хотя более раннее событие описывается в свете более позднего, истинность первого не предполагает, что позднее событие произойдет. К примеру, говоря о том, что Джонс сажает розы, мы рассказываем о последовательности действий в терминах достижения конечной цели. Посаженные розы могут вырасти и принести ему победу на выставке, что позволит описать его действия в форме повествования: «Джонс посадил розы, принесшие ему победу на выставке». Два утверждения: «Джонс сажает розы» и «Джон сажает розы, которые принесут ему победу на выставке» – не являются аналогичными. Первое высказывание будет истинным, что бы ни случилось в будущем. Второе окажется ложным, если в будущем Джонс не получит диплома на выставке или если розы Джонса не вырастут [там же, с. 159]. Ф. Анкерсмит отмечает, что А. Данто часто говорит о темпоральных целостностях, когда обсуждает логические свойства глаголов-проектов, поэтому кажется естественным ассоциировать историческое измерение глаголов-проектов с темпоральной целостностью. Однако Анкерсмит отвергает подобную интерпретацию, т. к. в действительности история возникает не с появлением темпоральных целостностей как таковых, а с потенциальным несоответствием ожиданий относительно будущего и действительным историческим ходом событий [12, р. 42].

В результате использования нарративных высказываний и глаголов-проектов объединяются темпорально отделенные события, язык поглощает временную дистанцию [ibid, р. 43]. Использование нарративных высказываний и глаголов-проектов выступает как условие возможности исторического понимания. И, как отмечает П. Рикер, глаголы-проекты позволяют отличить собственно нарративное описание от обычного описания действия. В истории можно встретить бесчисленные примеры употребления глаголов-проектов, которые организуют множество микродействий в единое глобальное действие. Но в обычном дискурсе о действии А смысл проективного глагола не влияет исход действия. Использование глаголов-проектов имеет различающее значение по отношению к дискурсу о действии в обычном языке [10, с. 170].

Таким образом, нарративное предложение не просто ссылается на два разделенных во времени события и описывает более раннее из них ссылаясь на более позднее. Помимо истинности этого высказывания, оно логически предполагает, что оба события действительно произошли [3, с. 160].

Обращаясь к проблеме опережающего исторического знания, А. Данто основывал свои рассуждения на воззрениях Аристотеля, отрицавшего возможность такого знания. По мнению философа, человек делает определенные суждения истинными или ложными, а истинность или ложность суждений зависит от положения вещей [там же, с. 186]. То, что историки будущего скажут о настоящей реаль-

ности, неизвестно, поскольку в противоположном случае «мы могли бы опровергнуть их описания точно так же, как мы можем опровергнуть предсказания, сделанные до того, как мы совершили какое-то действие, и это вполне подвластно человеку» [там же, с. 175]. Преимуществом историка является то, что он видит действие во временной перспективе: «Задача истории как раз и заключается в том, чтобы знать события не так, как знали их очевидцы, а как их знают историки – в связи с более поздними событиями и в контексте времени» [там же, с. 177]. Историческое понимание заключается в постижении произошедшего с временной перспективы, оно возможно только посредством рассмотрения прошлого с позиции будущего, которое недоступно, когда прошлое было настоящим [11, р. 190–191].

В «Аналитической философии истории» А. Данто стремился продемонстрировать эквивалентность между гемпелианской и нарративной моделями объяснения [6, с. 252–253]. Повествование уже по своему характеру не только представляет собой некоторую форму объяснения, но и «говорит нам о том, что происходило в течение какого-то времени... Описание с помощью повествования и историческое объяснение составляют одно целое» [3, с. 194]. Вместе с тем А. Данто нигде не утверждал, что теория истории исчерпывается анализом повествовательных предложений и что исторический текст сводится к последовательности повествовательных фраз [10, с. 171].

По словам Ю. Хабермаса, Данто противопоставлял форму нарративного объяснения дедуктивно-номологической модели [19, р. 33], однако философ говорил скорее о равнозначности между объяснением, сконструированным К. Гемпелем, и нарративом, реабилитируя модель охватывающего закона и выступая против утверждения, что нарративные модели являются альтернативными гемпелианской концепции [15, р. 71].

Гемпелианская теория, по мнению Данто, является истинной. «Она просто перестала быть релевантной... была смещена с определенным набором вопросов, миром в сущности, которому она больше не соответствовала» [ibid, р. 85]. По словам П. Рикера, А. Данто лишь «ограничивается замечанием, что сторонники номологической модели, столь пекущиеся о сильной структуре эксплананса, не видят, что эксплананс функционирует в экспланандуме, который уже является рассказом, то есть уже “охвачен” описанием, равнозначным объяснению» [10, с. 172].

По мнению А. Данто, объяснение какого-то явления всегда относительно, поскольку оно всегда связано с определённым описанием данного явления [3, с. 208]. Кроме того, возможно обнаружить такие описания явлений, при которых их нельзя подвести под закон. Однако «чтобы объяснить эти события, им нужно дать другое описание. В самом деле, если мы способны дать иное описание событий, то это, в некотором смысле, уже означает, что мы объяснили их. Часто только благодаря другому описанию мы приходим к объяснению, включающему в себя общий закон» [там же, с. 209–210]. Вместе с тем А. Данто отрицал, что исторические законы являются специфическими и позволяют формулировать предсказания, поскольку знание будущего должно остаться абстрактным в противоположность знания прошлого [25, р. 114].

А. Данто рассматривал нарративы как объяснения, непосредственно связанные с причинностью. Экспланандум описывает не просто то, что произошло (событие), а изменение, при этом и начало, и конец являются его частями. «Действительно, наличие изменения часто предполагается самим языком, который мы используем для описания: описание неявно ссылается на прежнее состояние предмета, подвергнувшегося изменению. Структура повествования представлена началом, серединой и концом, а «объяснение состоит в заполнении “середины” между

крайними временными точками происшедшего изменения» [3, с. 219–220]. А. Данто отмечал, что исторический нарратив сам по себе является формой объяснения, и подобная формулировка, по мнению У. Дрея, подразумевает, что необъяснительный нарратив – это некогерентное и противоречивое понятие [17, р. 115–116].

Логика нарратива идентична логике любого причинного объяснения и тесно соотносится с дедуктивным аргументом. Для А. Данто нарратив конституирует фундаментальную форму знания и является основой для всего исторического объяснения.

Философ предлагает следующую модель в качестве структуры повествовательного объяснения:

- (1) x есть F в момент времени t_1
- (2) H происходит с x в момент времени t_2
- (3) x есть G в момент времени t_3

В подобной структуре (1) и (3) вместе образуют экспланандум, (2) – эксплананс. Предоставить (2) – значит объяснить (1) – (3) [3, с. 224]: (1) – это первоначальное событие, (2) – момент изменения, а (3) – результат. В нарративном предложении всегда присутствуют три времени: прошлое – само событие; будущее – его оценка (эти два времени составляют содержание высказывания); настоящее – позиция самого нарратора [8]. Философ также отмечал обусловленность выбора повествования его окончанием: «...одна из основных задач повествования состоит в том, чтобы охарактеризовать арену действия, которое ведет к концу, а описание последнего служит объяснением изменению, крайними точками которого являются начало и конец повествования» [3, с. 235].

Событие H (то, что происходит с x и является причиной изменения x) должно выбираться с учетом некоторого общего понятия, представленного, возможно, в виде общего закона. H должно быть событием, которое может произвести изменение от F к G в субъекте x . Объяснение события предполагает указание на то, что стало его началом, поскольку объяснение сообщает, какое именно изменение произошло. Объяснение можно получить только в ходе исторического исследования, направляемого имеющимся наброском повествования (т. е. когда общее описание будет заменено конкретным). При этом не всегда возможно определить, какой общий закон используется в повествовании. Это достигается посредством либо простого переописания события, либо включения события в другой, более объемный рассказ и его переописания в границах этого повествования. Общий закон является, скорее, обобщением, создававшимся поколениями [там же, с. 233–234].

Вместе с тем нарративы – это не столько наброски объяснения, отмечающие место, где нужно вставить законы. Они могут быть рассмотрены как результаты, «добавление в наброски объяснения общих законов, отмечающих место, где нужно вставить описание события». Другими словами, когда известно, к какому закону необходимо прибегнуть, но неизвестно, что в точности произошло, повествование является описанием, в котором общее знание о том, какого рода событие должно было произойти, заменяется конкретным знанием о том, какое именно событие в действительности произошло [там же, с. 225].

А. Данто обращал внимание на определенное сходство между трехчленной повествовательной моделью и диалектической схемой Гегеля, проявляющейся во всем на протяжении всей истории: «в какой-то степени это просто нумерическое совпадение: структуру “тезис, антитезис, синтез” можно экстраполировать на структуру “начало, середина, конец”. Однако благодаря применению повествова-

тельных описаний, возможно придать смысл утверждению Гегеля о том, что тезис «содержит» в себе антитезис и синтез» [там же, с. 225].

М. Мандельбаум акцентировал внимание на том, что подобная модель нарратива может быть рассмотрена как линейная цепь эпизодов. Не касаясь вопросов ее истинности или ложности, М. Мандельбаум отмечал, что она не включает в себя тропологический или телеологический факторы в историографии. По мнению Мандельбаума, концепт нарратива слишком упрощает историографию, а утверждение сущностного сходства истории и рассказа ведет к пренебрежительному отношению к роли исследования в деятельности историка [22, p. 57].

Как отмечает У. Дрей, дискуссия А. Данто о роли и смысле нарративных высказываний является одной из наиболее плодотворных и оригинальных теоретических идей, поскольку в ее границах обосновывается возможность применения нарратива как формы объяснения. Вместе с тем У. Дрей предлагает ряд замечаний. Во-первых, хотя нарратив может выступать как наиболее понятное или значительное средство объяснения, прошлое также возможно репрезентировать с точки зрения его участников, т. е. в рамках концепций историографии, которые делают упор на возрождение опыта прошлого. Во-вторых, связи, содержащиеся в нарративных высказываниях, не всегда направлены на то, чтобы определить, почему раннее событие произошло. Цель нарративного высказывания состоит не в том, чтобы продемонстрировать, почему что-то появилось, но в том, чтобы показать, какое значение оно имело. При этом данная форма не требует заключения, что нарратив сам по себе является формой объяснения. По мнению У. Дрея, вполне возможно создать нарратив без упоминания причин и последствий, поскольку изымание высказываний о причинах не устраняет предполагаемые причинные значения [18, p. 29–30].

Ю. Хабермас полагал, что степень влияния событий на действующего субъекта зависит от специфической интерпретации, а поведенческие реакции часто соединяются с конкретным пониманием значения рассматриваемых ситуаций. Это подразумевает применение правил, которые основываются на комплексном предпонимании. А. Данто не обращал внимания на подобные допущения, сводящие на нет действия дедуктивно-номологической модели, отмечая, что трансформация нарратива в дедуктивное объяснение вполне возможна [19, p. 35].

Обращаясь к анализу причинности, А. Данто отмечал, что существует «социальная наследственность, и большая часть используемых нами обобщений создавалась поколениями и встраивалась в понятия, которые большинство из нас применяет для организации своего опыта и для объяснения происходящего» [3, с. 229]. Для создания объяснения необходимо найти верное общее описание рассматриваемого события, увидев его в определенной причинной перспективе. В случае успеха подобрать подходящий закон будет нетрудно, поскольку известны причины, которые должны повлечь за собой данное. Помимо этого, каузальные объяснения в истории должны восприниматься как нестрогие [там же, с. 230–231]. По мнению У. Дрея, все исторические нарративы в философии А. Данто являются объяснительными, а поскольку все причинные объяснения в истории являются нарративами, то проблема причины сама по себе рассматривается как генерирующая нарратив. У. Дрей также предлагает некоторые возражения относительно модели объяснения А. Данто. Во-первых, несомненно, историки заинтересованы в поисках причинных объяснений; «но они иногда спрашивают, почему вещи остаются такими же», и непонятно, каким образом аргументация А. Данто будет осуществляться в данном случае. Во-вторых, А. Данто не предлагает достаточное количество аргументов для заключения, что исторический нарратив может

быть объяснительным только в том случае, если он предлагает причинные объяснения. Главные усилия философа направлены на то, чтобы показать, что причинные объяснения создают нарративы, а не наоборот [17, р. 123–124].

Итак, Данто предлагает аналитический подход к философии истории, в рамках которого исследуются логический статус исторических высказываний, темпоральные индикаторы в языке, нарративные предложения и нарративы, составленные из них. Ключевым концептом философии истории А. Данто являются нарративные предложения, наделенные двумя основными функциями: описание и объяснение. Нарратив также отличает неполнота, поскольку полное описание прошлого возможно только при полном описании будущего, которое недостижимо. Философ сохраняет идею объяснения в истории через использование общих законов, пытаясь ее преобразовать для возможного использования в истолковании событий прошлого. Он переносит функцию объяснения с общих законов на нарратив, при этом возможность определить, какой конкретный случай подпадает под общий закон, реализуется только посредством исторического исследования.

Нарратив сам по себе не может быть верифицируемым, поскольку он является продуктом сознания историка, поэтому двумя основными критериями его оценки являются внутренняя согласованность и связность доказательств. Нарративы могут быть рассмотрены как типы теорий, которые структурируют и объясняют события, однако они направлены на поиск ответа на исторический вопрос, отличаясь от научной теории.

Восприятие нарратива А. Данто подразумевает определенные эпистемологические смыслы. Во-первых, нарратив представляется сконструированным из различных элементов прошлой реальности, являясь способом организации восприятия и попыткой понимания прошлого. Во-вторых, смысл событий, объединенных в нарратив, может быть понятен историкам, но не современникам событий, поскольку историк рассматривает событие с определенной временной перспективы. В-третьих, существует определенная дистанция между создателем нарратива и объектом исследования, при этом отображаемый мир существует как в прошлой реальности, так и в сознании историка. В-четвертых, объяснение, включающее в себя аргументацию и обоснование, сами по себе предполагают эпистемологию. В-пятых, поиск причин произошедшего осуществляется в соответствии с мировоззренческими установками автора связывается с процессами обработки информации сознанием историка.

Хотя нарратив отчасти подразумевает эстетические импликации, так как в нем события связываются в некоторые целостности, повествование, как оно представлено у Данто, связывается с процессом познания, методами получения знания и организацией полученного в соответствии с определенными моделями и установками.

***Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ № 17-33-00047.

Список литературы

1. Горман Д. Грамматика историографии // Способы постижения прошлого: методология и теория исторической науки / отв. ред. М. А. Кукарцева. М.: Канон+, 2011. С. 191–208.
2. Губман Б. Л. Смысл истории: очерки современных западных концепций. М.: Наука, 1991. 192 с.
3. Данто А.К. Аналитическая философия истории. М: Идея-Пресс, 2002. 292 с.

4. Данто А. К. Космополитический алфавит искусства // Американский философ: Джованна Боррадори беседует с Куайном, Дэвидсоном, Патнэмом, Нозиком, Данто, Рорти, Кейвлом, Макинтайром, Куном. М.: Дом интеллектуальной книги, Гнозис. 1999. С. 106–125.
5. Зенькин С. Критика нарративного разума [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2003/59/zen.html> (дата обращения: 01.10.2016).
6. Интервью с А. Данто // Философия история после постмодернизма. М.: Канон+; РООИ «Реабилитация», 2010. С. 236–266.
7. Интервью с Л. Хант // Доманска Э. Философия история после постмодернизма. М.: Канон+; РООИ «Реабилитация», 2010. С. 367–377.
8. Кукарцева М. А. Аналитическая философия истории: вчера и сегодня // Полигнозис. 2009. № 3 (35). С. 62–71.
9. Кукарцева М. А. Вместо введения // Доманска Э. Философия история после постмодернизма. М.: Канон+; РООИ «Реабилитация», 2010. С. 7–26.
10. Рикер П. Время и рассказ. Т. 1: Интрига и исторический рассказ. М.; СПб.: Университетская книга, 1998. 313 с.
11. Ankersmit F. R. Danto, history and the tragedy of human existence // Action, Art, History: Engagements with Arthur C. Danto / edited by D. Herwitz, M. Kelly. N.-Y.: Columbia University Press. 2007. P. 175–197.
12. Ankersmit F. R. Meaning, Truth and reference in historical representation. Ithaca; N.-Y.: Cornell University Press. 2012. 264 p.
13. Carr D. Experience and history: phenomenological perspectives on the historical world. Oxford: Oxford University Press. 2014. 256 p.
14. Carrier D. Danto and his critics: After the end of art and art history [Electronic resource]. URL: <https://kirkbrideplan.files.wordpress.com/2012/07/danto-and-his-critics-after-the-end-of-art.pdf> (accessed: 03.10.2016).
15. Danto A. C. The decline and fall of the analytical philosophy of history // The new philosophy of history / edited by F.R. Ankersmit, H. Kellner. Chicago: University of Chicago Press. 1995. P. 70–85.
16. Danto A. C. Art and analysis [Electronic resource]. URL: <https://www.radicalphilosophy.com/interview/arthur-c-danto-art-and-analysis> (accessed: 06.10.2016).
17. Dray W. H. On history and philosophers of history. Leiden: E. J. Brill. 1989. 237 p.
18. Dray W. On the nature and the role of narrative in history // The history and narrative reader / edited by G. Roberts. L.; N.-Y.: Routledge. 2001. P. 25–39.
19. Habermas U. The dualism of the natural and cultural sciences // Sociology and history: the contemporary discussion. Cambridge: The MIT Press. 1988. P. 16–42.
20. Haddock A. Danto's Dialectic // Philosophia. 2008. № 36 (4). P. 483–493.

21. Kitcher P., Immerwahr D. History and the sciences // Action, Art, History: Engagements with Arthur C. Danto / edited by D. Herwitz, M. Kelly. N.-Y.: Columbia University Press. 2007. P. 198–238.
22. Mandelbaum M. A note on history as narrative // The history and narrative reader / edited by G. Roberts. L.; N.-Y.: Routledge. 2001. P. 52–58.
23. Polkinghorne D. E. Narrative knowing and the human sciences. Albany: State University of New York Press, 1988. 246 p.
24. Rigney A. The rhetoric of historical representation: three narrative histories of the French Revolution. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 208 p.
25. Solomon R., Higgins K. M. Atomism, Art, and Arthur: Danto's Hegelian Turn // Danto and his Critics / edited by M. Rollins. 1993. Cornwall: Blackwell. P. 107–126.
26. White H. The fiction of narrative: essays on history, literature and theory. 1957–2007 / edited by R. Doran. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2010. 424 p.

HISTORICAL KNOWLEDGE AND NARRATIVE IN A. DANTO'S PHILOSOPHY

B.P. Potamskaya

Tver State University, Tver

The article is focused on the understanding of the relations between historical knowledge and specific narrative form of its organization in A. Danto's philosophy. The genesis and basic features of his approach to narrative are examined. Special attention is paid to the polemics concerning his historical narration understanding.

Keywords: *history, historical knowledge, analytical philosophy of history, narrative, hermeneutics.*

Об авторе:

ПОТАМСКАЯ Вера Павловна – аспирантка 2 года обучения кафедры философии и теории культуры ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь. E-mail: potamskaya.v@yandex.ru.

POTAMSKAYA Vera Pavlovna – Ph.D. student 2nd year of Dept. of Philosophy and Theory of Culture, Tver State University, Tver. E-mail: potamskaya.v@yandex.ru.